

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Д.Е. Слизовский, Э.Н. Ожиганов, С.О. Алехнович

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена методологии оценки и прогнозирования политических процессов и действий, представленной понятиями ситуационного и системного анализа. Предлагается модель детерминации ролевого политического действия, которая включает несколько уровней: 1) институциональный (экономическая, политическая и социальная среда); 2) организационный (структура, неформальные отношения, информационные процессы в институтах и организациях); 3) административный (административная среда организации); 4) групповой — параметры и свойства контактных групп; и 5) личностный (субъективные значения, ценности и мотивы политических действий).

В современной науке под *политическим процессом*, как правило, понимают динамическое измерение политической жизни, заключающееся в воспроизводстве компонентов политической системы общества, а также в изменении ее состояния; активность политических субъектов, связанная с борьбой за власть и оказанием влияния на властные структуры. Ключевые термины в таких определениях — динамика, система и активность.

Как правило, политический процесс соотносят с четырьмя уровнями анализа — глобальным, общесистемным, региональным и локальным, или, говоря иначе, международным, общенациональным, региональным и муниципальным. Признаки политического процесса и его элементы существенно меняются при переходе от одного уровня к другому, при этом политическая специфика становится менее выраженной.

Существуют различные методологические подходы к исследованиям структуры и содержания политического процесса: институциональный, структурно-функциональный, поведенческий и др., каждый из которых обладает своими достоинствами и недостатками. Стратегический анализ предполагает рассмотрение политических процессов с методологических позиций системной динамики и делает акцент на исследовании факторов политического взаимодействия.

Объект анализа определяется как процесс организованного взаимодействия, регулирующий ролевые политические действия в различных институтах и организациях. Модель детерминации ролевого политического действия включает несколько уровней: 1) институциональный (экономическая, политическая и социальная среда); 2) организационный (структура, неформальные отношения, информационные процессы в институтах и организациях); 3) административный (административная среда организации); 4) групповой — параметры и свойства контактных групп; и 5) личностный (субъективные значения, ценности и мотивы политических действий).

Методологическая перспектива этого подхода охватывается понятиями 1) ситуационного и 2) системного анализа.

«Ситуация» определяется как определенная совокупность доступных наблюдению и измерению связей, действующих в качестве самостоятельных переменных, с помощью которых описывается и объясняется политическое действие. Корреляционные связи, на которых базируется факторный анализ, отражают определенную часть обстоятельств, имеющих значение причинного комплекса для политических действий.

В структуре *ситуации политического действия* выделяются следующие элементы: 1) эффективность деятельности политических институтов и организаций; 2) уровень конфликтности в политических отношениях; 3) компетентность контроля за политическими процессами; 4) межличностные отношения в политических процессах; и 5) уровень и качество коммуникаций и информации в политических процессах.

При анализе структуры ситуации политического поведения важное значение придается т.н. *неформальным отношениям*. Сети неформальных отношений образуются как в сфере управления политическими институтами, так и в группах, вовлеченных в политическую деятельность. Сети неформальных отношений могут оказывать как негативное, так и позитивное влияние на политический процесс.

Политические процессы — это объекты с высокой степенью сложности, которые часто определяют как «*системы*», поскольку любая попытка создать модель политического процесса будет иметь дело с многоуровневой структурой, включающей множество разнородных факторов и связей между ними. Одна из целей применения системной методологии — моделирование динамики политической системы, в основе которой лежат представления о сети взаимоотношений между элементами, выделенными в качестве подсистем. Оценка значений показателей или факторов, выбранных для характеристики элементов, входящих в систему, является делом экспертных суждений, которые формализуются с помощью определенных шкал.

Теоретической основой системного анализа политического процесса являются концепции политической культуры, института, группы и роли, сформулированные в монографии Э.Н. Ожиганова «Стратегический анализ политики: Теоретические основания и методы» (см.: [1]).

На глобальном уровне одной из исследовательских задач является создание концепций и методик анализа баланса политических сил как инструмента обеспечения стратегических интересов Российской Федерации. Под методикой в дальнейшем мы будем понимать совокупность технических приемов и операций проведения исследования, связанных с определенными концепциями и методами. Для решения этой задачи предлагается принципиально новый интегративный подход как с точки зрения научного обоснования инструментария анализа, так и с точки зрения обоснования стратегии Российской Федерации.

В результате геополитических изменений на постсоветском пространстве возникли пять геостратегических комплексов: балтийский, восточно-европейский, кавказский, среднеазиатский и дальневосточный. Такие комплексы существуют и функционируют независимо от того, признано ли это самими «игроками», вовлеченными в политическую игру: они могут знать, с большей или меньшей степенью точности, военные, экономические и политические угрозы в регионе, но без обязательного наличия системной оценки.

Традиционно анализ конфликтов «интересов» осуществляется на уровне отдельных стран. Это гражданские войны, территориальные споры и причастность иностранных государств в перспективе государственной стабильности и межгосударственных конфликтов. Анализ на уровне геостратегического комплекса делает иной акцент, исходя из того, что все политические игроки руководствуются различными концепциями всей системы отношений в геостратегическом комплексе в целом. Этот уровень анализа может быть определен как промежуточный между государством-нацией и глобальной системой.

Сам термин представляет собой аналитическое понятие для идентификации геостратегического комплекса, который рассматривается не как произвольно установленный набор государств-наций, а как особая система акторов этого типа, объединенных географической близостью, чьи взаимоотношения безопасности настолько существенны, что определяют их национальные интересы и линии разграничения с другими региональными формированиями.

Например, в балтийский геостратегический комплекс входят Россия, Литва, Латвия, Эстония, но при этом список ключевых «игроков» шире и включает Финляндию, Швецию, Норвегию, Польшу и Германию.

В среднеазиатский геостратегический комплекс входят Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан, но при этом список ключевых «игроков» шире и включает США, Китай, Иран и Турцию.

Хотя интересы России еще не сформулированы в виде какой-либо стратегической доктрины, на уровне «реальной» политики они связаны с решением нескольких ключевых задач: 1) контроль над добычей и транзитом среднеазиатских энергоресурсов, 2) обеспечение российского военного присутствия в регионе, 3) поддержка действий среднеазиатских режимов по укреплению их государственного суверенитета и 4) создание отношений «консенсуса» с другими влиятельными «игроками» на геополитической сцене Средней Азии, прежде всего с Китаем и США.

Линия научно-исследовательских работ, основанная на системном подходе, обеспечивает изучение региона как определенной целостной структуры (комплекса) отношений между основными действующими силами политической сцены. Жизнеспособность новых независимых государств Средней Азии невозможна без минимальной политической стабильности в этом геостратегическом комплексе. Отношения между отдельными «государствами-нациями» могут характеризоваться не только конфликтующими интересами и пониманием «безопасности», но и противоположным видением основных характеристик геостратегического комплекса как системы. Анализируя значение концепций региональной идентичности для динамики политической ситуации в регионе, можно глубже понять логику и возможные последствия определенных стратегий (этим не отрицается возможность и необходимость других вариантов анализа).

Собственные претензии — утвердить доминирующую власть или стать центром новой региональной конфигурации — заявляют господствующие группы в странах комплекса. Их представления о будущем региона также основаны на различных критериях, обусловленных историческим аспектом наследования господства, географической или культурной близостью, религиозной приверженностью, военным потенциалом, экономическими связями и т.п.

Несовместимость между региональными определениями Средней Азии очевидна не только в среде «наследников империй», но также и политическим группам и партиям в различных республиках региона. Во-первых, отсутствие внутринационального согласия при определении статуса государственности и функционирования политических учреждений привело к ряду этнополитических конфликтов и гражданских войн. Во-вторых, политическая судьба ряда лидеров и движений была во многом predeterminedена их собственными представлениями о региональных союзах.

Какой именно из возможных «сценариев» имеет наибольшие шансы предвосхитить действительное развитие событий в среднеазиатском регионе, напрямую зависит от того, насколько точно будут прописаны важнейшие элементы геостратегической сцены. В нашем подходе это «акторы», т.е. основные действующие силы этой сцены, их «видение» ситуации в регионе, «ресурсы», которые могут быть ими использованы, и «стратегии», применяемые в борьбе за господство.

Геостратегическое пространство — сеть отношений, где у акторов, занимающих сходные или близкие позиции, имеется совпадение интересов, условий и элементов политической культуры (стиля принятия решений), что обуславливает единообразие их «реальной» политики. Структура геостратегического пространства обладает качеством многомерности, поскольку позиции акторов в этом пространстве характеризуются через их отношение к позициям других акторов или их группировок, например, с точки зрения положения в структуре или с точки зрения удаленности позиций друг от друга.

Зона, где в условиях неопределенности, изменчивости и неоднозначности конкурируют множество исходов или «сценариев», всегда характеризуется определенным уровнем политической напряженности, латентной или явной. Гипоцентр политической напряженности — территориальная локализация очага политиче-

ской напряженности. Концентрические зоны политической напряженности могут охватывать территорию как одного, так и нескольких политических образований в геостратегическом комплексе.

Наш подход предлагает системное решение задач исследования (как и на других уровнях анализа), которое объединяет:

1) мониторинг уровня политической напряженности в геостратегических комплексах, включающий перечень показателей для ее оценки, географию и периодичность наблюдений;

2) инструментарий раннего выявления латентных очагов политической напряженности;

3) стратегический анализ и моделирование уровня политической напряженности для прогнозирования и управления ситуацией в интересах Российской Федерации;

4) структуру информационной базы как фрагмента информационно-аналитической системы из числа показателей, характеризующих состояние и динамику политической напряженности в геостратегических комплексах.

Соответственно, наша методика включает два базовых раздела: 1) индикативный анализ (мониторинг ситуации на основе определенной структуры индикаторов — индикаторных профилей) и 2) системный анализ (включающий создание действующей системной имитационной модели как аналитического инструмента).

Индикативный анализ должен отвечать следующим требованиям: оптимальность, релевантность, репрезентативность, структурность, стандартизация. Системный анализ включает несколько разделов: концептуализация объекта, определение цели, структуры модели и ее ключевых переменных, описание поведения ключевых переменных и связей между ними, основных механизмов обратной связи системы, представление зависимостей, оценивание и отбор значений параметров, симуляция поведения модели и проверка гипотез динамики, реализация (применение) модели. Эти методологические требования сохраняют свое значение на любом из уровней анализа. Приведем пример анализа развития политической ситуации в одной из балканских республик — Черногории.

Хотя Черногория стала самостоятельным игроком на Балканах совсем недавно, вокруг ее внешней ориентации и международной перспективы уже действует своя мифология, не уступающая по иррациональности мифам внешней политики Сербии, бывшего партнера по союзному государству.

В основе новой мифологии лежит явный раскол общественного сознания республики. Согласно данным опроса, проведенного Центром исследований демократии и прав человека в Черногории в феврале 2007 года, общественное мнение при выборе внешнеполитических союзников заметно поляризовалось, при том, что 20,5% ответивших на интервью считали, что Черногория не должна полагаться на кого-либо на международной арене (см.: [4]). Ответы на вопрос о том, кто является союзником Черногории в международных отношениях, показали раздвоение политического сознания населения Черногории в отношении Сербии: варианты мнений «Абсолютно нет» и «Незначительно» — 50%, в то время как «Значительно» и «Абсолютно да» — тоже 50%.

Хотя белградским политикам, в силу внутренних противоречий, не до Черногории, все же стратегическое мышление — не самая сильная сторона их политической культуры. Профессор Белградского университета М. Йованович оценивает внешнюю политику Сербии следующим образом: «Главная проблема в том, что мы не понимаем ни современных международных отношений, ни сути политики, мы «дали маху» с оценкой реалий века, в котором живем» (см.: [2]).

По этому показателю Россия и США оценены практически одинаково с явным преобладанием отрицательных оценок: 68% и 33%, 70% и 30%, соответственно. Безусловное предпочтение отдается Европейскому Союзу — 37% и 62%, т.е. в обратной пропорции в сравнении с Россией и США.

Мнения по отношению к вступлению Черногории в НАТО разделились примерно следующим образом: «За — «35%» и «Против» — 37%, остальные респонденты не определились.

Взаимные визиты глав внешнеполитических ведомств России и Черногории в 2007 году не прояснили взаимные стратегические интересы двух стран, скорее, наоборот. Министр иностранных дел Черногории М. Рочен сформулировал эту политику неопределенности следующим образом: «Внежнополитические ориентиры Черногории — это устремление к Европе и евроатлантической интеграции. Между тем, несмотря на эту стратегическую ориентацию, отношения с Россией всегда будут среди главных направлений нашей внешнеполитической стратегии. Место России не может заменить никто — ни Европейский союз, ни НАТО» (см.: [3]).

Имитационная модель прогноза конкурентности «НАТО — Россия» в Черногории была построена нами с учетом следующих аналитических выводов.

1. Политическое сознание господствующего слоя Черногории неоднородно и включает две основные конкурирующие ориентации: «евроатлантическую» (приоритет — НАТО) и «патриотическую» (приоритет — Россия). Перед нами типичная психология «раздвоения».

2. Поведение обеих групп находится под давлением внешних и внутренних конкурентных сил. К внешним силам отнесены евроатлантические и российские институты, к внутренним — черногорские политические организации, выступающие за интеграцию в евроатлантические институты и противостоящие этой перспективе.

3. Ресурсы внешних сил включают политическое, военное, экономическое планирование с учетом эффективности, ресурсы внутренних сил — политическое, социальное и экономическое планирование.

Компьютерная симуляция динамики конкурентности двух внешнеполитических альтернатив — евроатлантической и независимой — представлена на рисунке 1.

На горизонтальной оси графика симуляции — период с апреля 2007 года по апрель 2008 года, на вертикальной — показатель уровня конкурентности. Кривая «Монтенегро» отражает динамику альтернативы НАТО, кривая «Черногория» — альтернативу России.

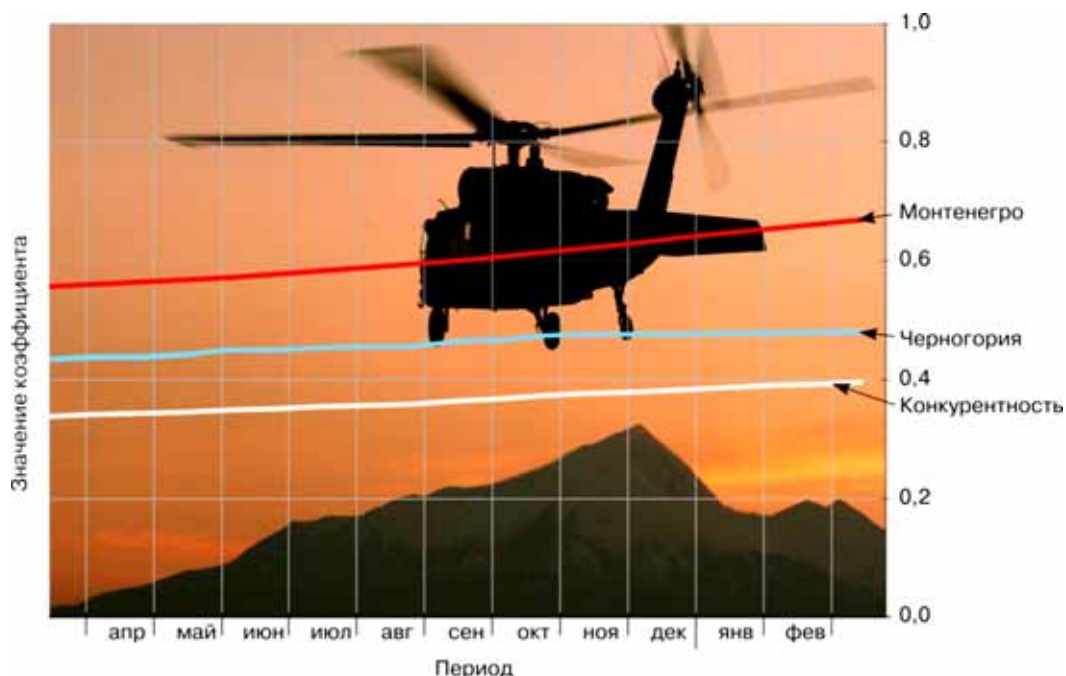

Рис. График компьютерной симуляции

Как и прогнозировалось, евроатлантическая ориентация правящего слоя Черногории на протяжении данного периода доминировала, вовлекая страну в пронаатовскую политику, но при этом росла и напряженность как внутри правящего слоя, так и населения Черногории, включая социальные, этнические и конфессиональные аспекты противостояния. Существует определенный временной «лаг» конкурентности, примерно в 2—3 года, на протяжении которого будут происходить латентные изменения в балансе факторов, определяющих внешнеполитический курс страны.

При построении структуры политических процессов на уровне субъекта федерации группы показателей представлены нами следующим образом (на практике количество групп и их спецификации могут быть расширены).

1. Баланс политического процесса.
2. Поля политического процесса.
3. Основные силы политического процесса.
4. Организованные акторы политического процесса.
5. Цели акторов.
6. Стратегии акторов.
7. Ресурсы акторов.
8. Контрастные сценарии развития политического процесса.

Ключевым «актором» политического процесса на данном уровне является административная элита субъекта федерации, которая группируется вокруг лидеров, имеющих отношение к административному ресурсу. Среди основных акторов, действующих на политическом поле региона, она в большей степени спо-

собна выражать социально-экономические интересы в комплексе, т.е. доводить их до уровня региональной политики.

Классификация системных характеристик осуществляется в рамках концепций, которые составляют аналитическую парадигму системного подхода. К системным характеристикам административной элиты субъекта федерации относятся 1) согласованность (способность успешно использовать каналы внутренней коммуникации между отдельными секторами при подготовке и принятии решений по ключевым проблемам экономической и политической жизни), 2) сплоченность (наличие/отсутствие враждующих фракций), 3) легитимность (уровень массовой поддержки политических действий), 4) компетентность (достаточный уровень рационального понимания центральных проблем политической жизни), и 5) эффективность (инструментальная эффективность решений по центральным проблемам политической жизни).

Если политический процесс на уровне региона определяется сетью отношений между административной элитой, региональной «номенклатурой», финансово-промышленными группировками и федеральной властью, то на уровне района аналогами выступают районная «номенклатура», местные хозяйственные группировки и губернаторская власть. Поскольку на муниципальном уровне политическая организация населения совпадает с организацией избирательной кампании, некоторые аналитики считают, что данное положение не позволяет говорить о существовании муниципальной политики в полном смысле этого слова. При этом выявляются «акторы» — коммерческие организации, предприятия и т.п., заинтересованные в результатах той политики, которую проводят органы местного самоуправления в связи с вопросами недвижимости, землепользования, разрешительных процедур и др. Представители этих организаций проявляют наибольшую политическую активность на муниципальном уровне и, несмотря на снижение масштаба политики, накал политических интересов и интенсивность конкуренции здесь могут оказаться не меньшими в зависимости от «цены» и характера проблем, которые отличаются огромным разнообразием.

Политический процесс в форме конкуренции организованных движений или партий на уровне районов малозаметен и обычно обнаруживает себя в период избирательных кампаний как столкновение местных экономических интересов, которые в определенных случаях могут быть поддержаны и крупными финансово-промышленными группировками. Например, для подмосковных муниципальных формирований, расположенных на границе с мегаполисом Москвы, весьма актуальна борьба «интересов» за землю и строительные подряды.

Отсутствие политической конкуренции в форме организованных политических движений и партий коррелирует с определенным типом политической культуры населения. Применительно к данным задачам нами разработана специальная методика поискового (эксплоративного) анализа, которая имеет очевидное преимущество в сравнении с «традиционными» социологическими подходами, которые, как правило, не способны продвинуться дальше комментариев к одномерным распределениям ответов на вопросы анкет.

С точки зрения анализа системной динамики политический процесс — это динамически изменяющаяся в определенном интервале времени система политических отношений. Модель политического процесса конструируется с целью достижения определенной политической или управленческой цели, а задача моделирования — определить условия и достаточный уровень применения ресурсов, при которых обеспечивается достижение этой цели.

Сконструированная модель должна обладать характеристиками, близкими к характеристикам исследуемых политических реалий области и ее территориальных образований. Эффективные политические и управленческие решения связаны, прежде всего, с рациональным использованием разнообразных ресурсов, среди которых мы выделяем три основные группы — финансовые, организационные и административные. Для того чтобы представить картину динамики взаимоотношений между основными показателями модели, мы придерживаемся допущения о том, что развитие политического процесса может быть описано в терминах перемещаемых ресурсов, информации и тактики их применения. Модель, построенная по этой схеме, должна отражать стремление оказывать управляющие воздействия по поддержанию правильного баланса между «притоками и оттоками» содержимого этих ресурсов.

Другой возможный вид моделирования — анализ социальных сетей — исходит из предпосылки о том, что причины изменений положения в политическом процессе тех или иных акторов заложены в ресурсной динамике сетевых взаимоотношений между ними. Основная цель этого метода — поиск и анализ образцов взаимосвязей между акторами в динамических системах, иначе говоря, — анализ целостных систем как сетей взаимозависимых акторов (в терминологии подхода — «узлов») и цепей зависимости (в терминологии подхода — «ребер»). Совокупность акторов и интеракций рассматривается как математическая концепция «графа». Даже первичный анализ подобных сетевых структур дает возможность сделать содержательные выводы о свойствах системы. Например, в одном случае сети выражают яркую централизацию и контролируются единичными или небольшими группами акторов, в другом случае акторы создают децентрализованные сети, характеризующиеся низкой эффективностью координации действий, в третьем — самоорганизующиеся сети, сочетающие свойства централизованных и децентрализованных структур, состоят из эгалитарного центра с децентрализованными системами и периферии.

Количественные методы оценки сетевых структур дают возможность определения центральности отдельных акторов, поиска ключевых игроков, идентификации сетевых структур, присущих определенным процессам передачи ресурсов и информации и типам взаимодействия акторов. С помощью данного метода создается карта политических «альянсов» на данной территории, анализ которой раскрывает характер отношений между акторами политического процесса.

Еще один подход к моделированию политического процесса — анализ системных иерархий — представляет собой методологию для структурирования, измерения и синтеза факторов с целью выбора среди конкурирующих альтернатив в многокритериальной среде. Иерархическое структурирование сложности поли-

тического процесса в гомогенные группы факторов представляет собой один из эффективных путей, с помощью которого облегчается задача анализа многомерных ситуаций. Важная функция метода заключается в способности измерять и синтезировать множество факторов, одновременно присутствующих в иерархиях.

Политический процесс, который требует структурирования, измерения и синтеза — идеальный объект для применения метода, поскольку перемещение ресурсов и влияния, а также поведение акторов политической сцены часто определяют исходы сценариев различных ситуаций. «Иерархия» является теоретической абстракцией структуры политического процесса, предназначенной для изучения функционального взаимодействия ее факторов и их влияния на баланс политической системы в целом. Эта абстракция может быть выражена в различных формах, однако каждая из них имеет задачу перехода от общей цели к подцелям системы, затем к силам, которые влияют на эти подцели, от них к акторам, влияющим на эти силы, к их политике, к ресурсам, обеспечивающим их политику, и, наконец, к исходам или сценариям, являющимся результатами применения политики.

Для прогнозирования на основе обобщенных сценариев лучше всего подходит анализ иерархических процессов, представляющий собой методологию для структурирования, измерения и синтеза факторов с целью выбора среди конкурирующих альтернатив в многокритериальной среде.

Для изучения динамики поведения сложных систем и модификации их характеристик в соответствии с поставленными политическими целями целесообразно применение *анализа динамики систем*. Наиболее эффективные результаты такого подхода достигаются при решении слабоструктурированных проблем, когда характерно возникновение неопределенностей, делающих практически невозможным применение других известных методов анализа.

Для моделирования и графического отображения и измерения связей и потоков информации (ресурсов) между группами ключевых игроков в сетях политических и экономических отношений предпочтение отдается методологии *анализа социальных сетей*, которые обеспечивают визуальное представление клик и союзов в сетях и математический анализ отношений между ними.

На практике существуют десятки алгоритмов имитационного моделирования, которые могут быть с успехом адаптированы для целей анализа политических процессов в зависимости от характера решаемых задач.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ожиганов Э.Н. Стратегический анализ политики: Теоретические основания и методы: Учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2006.

Интернет-ресурсы

- [2] Мирослав Йованович: «Русское вето»: сербская политика между желаемым и реальным. — <http://www.regnum.ru/news/810621.html>
- [3] Милан Рочен: нерешенных проблем между Россией и Черногорией нет. — <http://www.rian.ru/interview/20070328/62756540.html>
- [4] Center for Democracy and Human Rights Montenegro. — <http://www.cedem.cg.yu>

STRATEGIC ANALYSIS AND PROGNOSIS OF POLITICAL PROCESSES

D.E. Slizovskiy, E.N. Ozhiganov, S.O. Alekhovich

The Department of Political Science
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the methodology of evaluation and prognosis of political processes and actions in the context of situational and system analysis. The authors propose the model of determination of role political action, which includes several levels: 1) institutional (economical, political and social environment); 2) organizational (structure, non-formal relations, informational processes in institutes and organizations); 3) administrative (administrative environment of organization); 4) groups — parameters and features of contact groups; 5) personal (subjective meanings, values and motives of political actions).